

- Пряхин А.Д. История советской археологии. 1917 – середина 30-х годов. Воронеж: ВГУ, 1986. 286 с.
- Смирнов А.С. Власть и организация археологической науки в Российской империи (Очерки институциональной истории науки XIX – начала XX века). М.: Ин-т археологии РАН, 2011. 592 с.
- Тункина И.В. “Дело” академика Жебелева // Древний мир и мы. Классическое наследие в Европе и России. Вып. II. СПб.: Алетей, 2000. С. 116–160.
- Тункина И.В., Фролов Э.Д. [публ.] С.А. Жебелев. Автонекролог // ВДИ. 1993. № 2. С. 173–201.
- Уварова П.С., Бороздин И.И. [ред.] Императорское Московское археологическое общество в первое пятидесятилетие его существования (1864–1914 гг.). Т. 2. Биографический словарь членов общества. Список трудов членов общества, помещенных в изданиях общества. М., 1915. XXII, 445, 256, [1] с.
- Формозов А.А. Русские археологи до и после революции. М.: ИА РАН, 1995. 114 с.
- Формозов А.А. Русские археологи и политические репрессии 1920–1940-х годов // РА. 1998. № 3. С. 191–206.
- Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма. Историкографические очерки. 2-е изд. М.: Знак, 2006. 344 с.
- Худяков М.Г. Дореволюционная русская археология на службе эксплуататорских классов. Л.: ОГИЗ–ГАИМК, 1933. 162, [2] с.
- Щавелев А.С., Щавелев С.П. Камерные ингумации Гочева: юго-восточная реплика варяго-русского погребального обряда // Дружинні старожитності Центрально-Східної Європи VIII–XI ст. Матеріали Міжнародного польового археологічного семінару (Чернігів – Шестовиця 17–20 липня 2003 р.). Чернігів: Сіверянська думка, 2003. С. 194–200.
- Щавелев С.П. “Дело краеведов ЦЧО” 1930–1931 годов. (Курский “филиал”). Курск: КГМУ, 2007. 272 с.
- Щавелев С.П. От Курской ученой архивной комиссии (1903–1922 гг.) к советскому обществу краеведения (1923–1930 гг.): разгром региональной археологии в СССР // 1917 год: российская археология на переломе эпох. Матер. Междунар. науч. конференции / Отв. ред. И.А. Сорокина. М.: ИА РАН, 2017. С. 82–85.
- Щавелев С.П. Библиографический словарь “Археологи России”: соображения к проекту // V (XXI) Всероссийский Археологический съезд. Сб. науч. трудов. Барнаул: изд-во Алтайского гос. ун-та, 2017. С. 1185–1186.

Курский государственный медицинский университет

Щавелев С.П.

РЮРИКОВО ГОРОДИЩЕ В КОНТЕКСТЕ НОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.

Носов Е.Н., Плохов А.В., Хвощинская Н.В.

РЮРИКОВО ГОРОДИЩЕ. НОВЫЕ ЭТАПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2017. 288 с. [текст, ил.], 32 с. [вкл.]. (Труды ИИМК РАН; т. XLIX)

Выход в свет 49-го тома Трудов ИИМК РАН, посвященного Рюрикову городищу, было бы правильно назвать очередным, третьим по счету, изданием “Трудов” Новгородской областной экспедиции ИИМК РАН. К сожалению, формально такой книжной серии нет. Но фактически она существует и представлена уже тремя монографиями. Первая отразила результаты 15 лет непрерывных раскопок экспедиции Е.Н. Носова на Городище в 1970–80-х годах (Носов, 1990). Вторая стала частичным подведением итогов 30-летней работы (Носов и др., 2005). А сейчас мы держим в руках книгу, выход которой в 2017 г. совпал с 40-летним юбилеем очень значимого события. Летом 1977 г. в раскопе на берегу Сиверсова канала Новгородским областным отрядом ЛОИА под руководством Е.Н. Носова было расчищено сооружение, давшее первую дендродату Городища.

Оно было неказистое, это сооружение. Всего-навсего развал обожженной глины, укрепленный колышками, в обводке в виде сруба из тонких бревешек. Я хорошо помню – ибо сама была непосредственной участницей работ – как вначале все ломали голову, что же это такое? Позднее выяснилось – остатки хлебной печи. Но неказистые бревешки дали абсолютные даты, и легли они кучно в последнее десятилетие IX в. (889, 896, 897 гг. – даты нижнего яруса обноска печи) и в самое начало X в. (четыре спила 905 г.). А ведь ниже залегали еще более ранние слои, замытые во время паводков Ильменя...

К тому времени работы на Городище много лет то возобновлялись, то вновь забрасывались. Но сезон 1977 г. четко разделил весь период изучения памятника на *до* и *после*. Наличие здесь отложений, более ранних, чем в самом городе, впервые стало

неопровержимым фактом. Это положило начало новому этапу разработки и осмысления всей проблематики первоначального Новгорода.

Можно сказать, Рюрикову городищу повезло. Четыре десятилетия почти непрерывных раскопок, следовавших за тем незабываемым полевым сезоном, в буквальном смысле слова открыли этот памятник для мировой науки. За первой монографической публикацией последовали обзоры его проблематики на разных европейских языках. Сейчас Городище прочно утвердилось в ряду “столиц” Начальной Руси; его упоминание стало обязательным в любом обобщающем труде, посвященном раннесредневековой Европе. И все это произошло у нас на глазах. Рецензируемая монография пока не подводит черту в деле публикации всего огромного материала, полученного в ходе 40-летних раскопок. Но она хорошо показывает, как целенаправленно и систематично ведется работа по его осмыслению и введению в научный оборот.

Прежде всего, необходимо отметить отчетливо источниковедческий характер всей книги. Это именно детальная публикация археологических данных, изобилующая подробными описаниями стратиграфии и контекста находок, а также собственно вещевого материала, с большим количеством иллюстраций. Последние выглядят очень качественно. Значительная часть вещей и вся керамика даны не в фотографиях, а в рисунках (что можно только приветствовать). Лишь Глава 5 включает заметное количество таблиц, где артефакты представлены черно-белыми фотографиями. Впрочем, и здесь качество и информативность изображений в целом удовлетворительные.

Впечатление источниковедческой публикации усиливается благодаря принятому авторами принципу структурирования материала. Отдельные главы освещают раскопки разных частей поселения за разные периоды, и это буквально отражено в их названиях: “Исследование центральной части городищенского холма в 2005–2010 гг.” (Глава 2), «Раскоп на месте установки “Княжего камня” (2011–2012 гг.)» (Глава 4) и т.д. Такие заголовки больше пристали публикациям отчетного характера. Тем, кто незнаком с историей раскопок памятника так же хорошо, как сами авторы, изначально непонятно, что скрывается за этими заглавиями? В какой части Городища расположен раскоп у “Княжего камня”? Включал он ранние материалы или поздние? Почему нужно выделять годы раскопок, если к работе в одной и той же части поселения археологи возвращались в разные периоды? Не лучше ли было структурировать материал, исходя из тех знаний о памятнике, которые достигнуты в наши дни?

Однако по ходу чтения многие вопросы снимаются. Приходит понимание того, что стратегия

исследователей Рюрикова городища ориентирована на серию монографий, а не на одну-единственную, призванную стать “последним словом” в его изучении. Поэтому авторы могут позволить себе неторопливую детальную публикацию источников, последовательно формирующую базу информации о памятнике. Материал одного из ключевых протогородских центров Северной Руси скрупулезно проанализирован в книге по категориям; приведены его хронологические, культурные и зачастую технологические характеристики. Работы такого типа, как правило, долго не устаревают.

Конечно, ряд вопросов все равно остается. Обращает на себя внимание отсутствие в публикации протяженных разрезов памятника, а в некоторых случаях – профилей комплексов (что особенно досадно для Главы 3, где подробно описана стратиграфия углубленных частей построек княжеского двора). Кроме того, мне в ходе чтения очень не хватало варианта графической реконструкции деревоземляных укреплений Городища. Не хватало локализации трассы рва на общем плане поселения – разумеется, с оговоркой о степени ее гипотетичности на разных участках.

С другой стороны, понятно, все это должно стать следующим этапом работы. А сейчас ученый мир получил детальную публикацию находок, предназначенную для того, чтобы в дальнейшем проверять на обоснованность все будущие реконструкции. В любом случае мы с нетерпением будем ждать их появления и обсуждения.

Сказанное выше вовсе не означает, что книга не содержит обобщений, позволяющих вписать публикуемые источники в общеисторический контекст. Во всех трудах о Рюриковом городище, созданных Е.Н. Носовым единолично или в соавторстве, неизменно присутствовали главы, посвященные проблемам происхождения Новгорода и генезиса древнерусского города. Соответствующие разделы имеются и здесь.

Хотелось бы отметить вдумчивый разбор истории исследований Городища во вводной части монографии. Здесь Е.Н. Носовым проанализирован – частью по источникам, частью на основе многолетнего личного опыта – тот “историографический фон”, на котором складывались представления о памятнике на разных этапах его изучения. Значение этого фона и вправду велико. В своей работе все мы периодически возвращаемся к наследию предшественников, актуализируя на новом уровне старые идеи, звучащие, как нам кажется, почти современно. Но лет 50–100 назад то же самое звучало и воспринималось иначе, ибо научная база и фон были другими. То, что сегодня кажется элементарным, на деле представляет собой плод многих десятилетий научного поиска.

Рассматривая в своем очерке этапы развития городской археологии Древней Руси, Е.Н. Носов подводит читателя к выводу — длительное непонимание места Рюрикова городища в социальной структуре Новгорода являлось, в сущности, неизбежным явлением. Все прозрения и заблуждения минувших десятилетий имели в основе уровень исследованности источников и уровень развития методов, помогающих эти источники “разговорить”.

Конфликт основных представлений о происхождении Новгорода уходит корнями в первую треть XX в. Расхождение А.В. Арциховского и М.К. Каргера в оценке Городища заметно повлияло на весь ход дальнейших исследований. В этой связи Е.Н. Носов констатирует: в 1950 — середине 1970-х годов отдельные упоминания об открытии на Городище культурных напластований IX–X вв. “буквально тонут” в массе работ, где городищенские материалы попросту игнорируются (с. 7, 8).

С другой стороны, следует отметить: преодоление противоречий стало возможным благодаря новому подходу к изучению городских слоев Новгорода. Постановка широкого круга проблем, решаемых на собственно археологическом материале, подразумевала совершенствование полевой методики (примененной, в конце концов, и на Городище!). То есть, как ни парадоксально, развитие исследовательской традиции А.В. Арциховского способствовало корректировке его же неверной установки.

Глава 1 (“Рюриково городище — резиденция новгородских князей и его роль в становлении Новгорода”), написанная Е.Н. Носовым, поднимает вопросы, являющиеся для историка Северной Руси ключевыми. Здесь подробно освещен историко-археологический контекст становления городских структур и государственности в Новгородской земле.

Ряд установок, сформулированных в этой главе, уже знаком читателю по прежним работам автора. Это касается, в частности, оценки роли Ладоги в указанном процессе: “...город в низовьях Волхова не мог стать подлинным центром формирования государства в Северной Руси. Он был лишен плотной земледельческой округи и оторван от основного массива заселенных славянами территорий Приильменья...” (с. 23).

Пожалуй, с этим можно поспорить. Отсутствие плотной земледельческой округи далеко не всегда мешало превращению поселения “в центр местной администрации, куда стекается дань и откуда осуществляется общее управление...” (с. 23). Огромные пространства Северной Евразии (включая часть Скандинавии) являлись в железном веке зоной рискованного земледелия. Но это не исключало ни формирования раннеклассовых структур, ни возникновения (при

определенных обстоятельствах) “силовых центров” протогородского типа. Равным образом в древнерусский период новгородская земледельческая округа периодически оказывалась неспособной обеспечивать население продовольствием. Новгород постоянно зависел от подвоза зерна с юга, оставаясь при этом крупным центром древнерусской государственности.

Что касается Ладоги, то отслеживать оттуда потоки товаров с востока и юга было, пожалуй, удобнее, чем из Приильменья. Следуя Волжско-Балтийским путем через Ладожское озеро, как обойдешь Ладогу? Из нее значительно проще было осуществлять контроль деятельности “находников” в акваториях Ладожского и Онежского озер, снаряжать “молодцов” в походы на северо-восток и т.д. Собственно, о том же говорит сам Е.Н. Носов, признавая чуть выше, что в Ладоге “формировались элементы государственности” (с. 22). Видимо, следует просто различать хронологические этапы. Удельный вес разных центров в структуре формирующегося государства периодически менялся.

Трудно согласиться с утверждением, что ведущая роль Приильменья в процессе становления Северной Руси объясняется тем, что “...в основе раннегосударственных образований лежали определенные этнические территории”, а государство как форма организации социально стратифицированного общества не могло являться “редкой административной сетью, охватывающей разнородное население...” (с. 23). На мой взгляд, как раз для конца I тыс. н.э. следует признать актуальными и первый вариант, и второй. Даже более — без второго варианта не было бы первого.

Начальная Русь в целом мало подходит под определение государства, в основе которого лежала единая этническая территория. Ранняя древнерусская культура VIII–X вв. (зафиксированная преимущественно в городах) носила отчетливо надэтнический характер. В археологическом смысле ее можно определить как *серию культур североευропейской вуали*, в социоантропологическом — как “магистральную культуру”, обеспечившую охват огромных пространств и включившую в свою орбиту целый ряд “локальных культур” (ср.: Головнев, 2009а. С. 317–321; б. С. 156–310). Последнее вовсе не противоречит тому, что славянский этнический элемент сыграл решающую роль в процессе трансформации указанного феномена в развитую древнерусскую культуру.

Типологические и функциональные отличия Рюрикова городища от Ладоги, на мой взгляд, акцентированы Е.Н. Носовым совершенно справедливо. Он пишет: “На Рюриковом городище концентрировались социальные верхи местного общества со своим окружением и разношерстный контингент варягов. ...Всех их привлекало экономическое значение

района и размещение здесь административных властей. ...Торгово-ремесленные функции поселения, в отличие от Ладоги, изначально не были доминирующими, а сопутствовали функциям военно-административным...” (с. 28).

Скорее всего, за этими отличиями стояло совокупное действие многих факторов — как социально-исторических, так и природных, и хронологических. Очень вероятно, важную роль сыграл подъем воды в Ильменском бассейне, качественно изменивший гидрологическую ситуацию в регионе в конце I тыс. н.э. (ср.: Еремеев, 2017. С. 52, 54–56). Развитие речного судоходства и речных коммуникаций стало важнейшим следствием того природного явления. Не случайно серия укрепленных поселений, ориентированных непосредственно на обслуживание речного пути, возникает в Поволховье не ранее IX в. И тогда же на роль главного властного центра выдвигается город-крепость, отдаленный от “морья”¹, но замыкавший на себя узел внутренних “речных дорог” — не только по Волхову, но и по Мсте, Шелони, Ловати, Луге.

С чем я решительно не могу согласиться в приведенной выше цитате о составе населения Городища — это с приложением термина “варяги” к реалиям IX–X вв. Формировавшаяся тогда в древнерусских городах новая воинская элита включала множество представителей со скандинавскими именами. Но, судя по данным византийских источников и греко-русских договоров, эти люди называли себя “русью”, а не “варягами”. Мы вправе предположить, что именно таково было самосознание носителей культуры “северной вуали” на Рюриковом городище IX–X вв. “Русь” являлась ключевой, структурообразующей идентичностью, выросшей из названия высшей воинской страты общества. Этот социальный слой включал, наряду с представителями местной знати, потомков этнических скандинавов, осевших в Восточной Европе либо в начале эпохи викингов, либо даже ранее (ср.: Николаев, 2012. С. 429; Михайлов, 2016. С. 184).

Термин “варяг”, ассоциировавший скандинава с чужеземным наемником, получил распространение примерно с эпохи Владимира. Что касается летописных “варягов” времен Олега и Игоря, то они представляются мне неким фантомом, возникшим под пером книжника второй половины XI в. Видимо, перелагая сказания о первых князьях в жанре хроники, летописец просто излагал события в соответствии с современными ему понятиями. В аутентичных документах X в. этого термина нет.

¹ В данном случае мы с полным правом можем употребить этот термин, ибо акватория Ладожского озера и низовьев Волхова была доступна для морских судов, которые в глубь континента не заходили.

Главы 2–5 посвящены собственно археологическому материалу Городища, вводимому в научный оборот. В Главе 2, написанной Н.В. Хвоцинской и освещающей материалы раскопок центральной части городищенского холма, все комплексы и отдельные категории материала описаны и проанализированы в широком контексте — со скрупулезностью, присущей этому исследователю. Особо следует отметить актуальность последнего раздела главы, посвященного исследованиям древнего рва Городища, сооруженного, видимо, в IX в. (хотя не исключена и более ранняя дата). Анализ стратиграфии рва и находок из него, произведенный Н.В. Хвоцинской, с высокой вероятностью подтверждают тезис, высказанный ранее Е.Н. Носовым, что в XI в., вплоть до конца его, жизнь на Городище едва теплилась. Не только епископская, но и княжеская резиденции находились тогда в “Новом городе”. Восстановление Городища началось лишь в последнее десятилетие XI в. Мстиславом Великим. Тогда были предприняты грандиозные работы по его перепланировке, включавшие помимо окончательной засыпки рва нивелировку площадки холма и масштабное строительство, в том числе создание каменной церкви Благовещения (1099–1103 гг.). Эти факты принципиально важны для понимания исторических судеб раннего Новгорода.

Для характеристики предшествующего этапа жизни на Городище большое значение имеет анализ материала из “черного слоя” — остатков производственной зоны Городища IX–X вв., “сдвинутых” с участка, прилегающего ко рву, сброшенных вниз и “законсервированных” мощным слоем песчаной засыпки. Отсюда происходят яркие свидетельства изготовления на самом Городище ювелирных изделий в характерном “северном стиле”. Как отмечает Е.Н. Носов в заключительной части книги, “...состыковка раскопов 1980-х и 2000-х годов позволила установить ширину рва и трассу его прохождения, уточнить глубину, выявить в склоне рва хлебные печи и, наконец, исследовать необычный сброшенный с внешней площадки культурный слой, насыщенный остатками ремесленного производства... В черном слое, на склоне рва были сделаны уникальные открытия, неопровержимо доказывающие, что вещи североевропейских образцов делались непосредственно на Городище” (с. 242).

Исключительно важным является также наблюдение, согласно которому «княжеский многотонный собор (Благовещения. — Н.П.) возвели на части засыпанного рва. Этим судьба храма была предрешена еще до начала его строительства, сыпучий грунт стал проседать и фундамент здания... “поплыл”...» (с. 242).

В Главе 3 (“Постройки древнерусского времени”), написанной Е.Н. Носовым и Н.В. Хвоцинской совместно, рассмотрены материалы нескольких больших,

по-видимому, двухэтажных построек XII–XV вв., с подпольями, углубленными в материк, и находками престижных изделий в их заполнении. В число таких изделий входят обломки привозной посуды (в первую очередь амфорной тары, в которой с юга везли вино и оливковое масло), а также “...тарелки ближневосточного происхождения, ...редкие украшения и элементы одежды с позолотой и инкрустацией эмалью, золотные нити, энколпион, свинцовые печати, скрепляющие деловые документы...” (с. 120).

Сомнения в том, что указанные постройки входили в комплекс княжеского двора (Елиферова, 2018. С. 88, 89), представляются мне явной натяжкой. Стоит учесть, эти комплексы датируются XII в. и позднее, т.е. периодом, когда наличие княжеского двора на Городище достоверно зафиксировано письменными источниками. Хотя, конечно, в силу своей локализации на некотором отдалении от храма Благовещения и соборной площади они могли являться только периферийной частью княжеского комплекса, а отнюдь не местом проживания самого князя и его семьи.

К сожалению, исследование центральной части княжеского двора невозможно — соответствующие участки, расположенные вблизи соборной площади и храма, либо заняты современным кладбищем, либо отложения так нарушены, что о выявлении археологических структур нельзя и мечтать (см. ниже). Но авторы совершенно правы, говоря, что открытие данного комплекса древнерусских построек “...позволяет хотя бы в самых общих чертах наметить планировку Городища периода существования на нем не раз упомянутой в летописях древнерусской княжеской резиденции, чего мы совсем не представляли ранее...” (с. 104).

От характеристики этих построек с подпольями на периферии княжеского двора авторы плавно переходят к обзору дискуссии по проблеме домостроительства в Северной, Южной и Северо-Восточной Руси в конце I — начале II тыс. н.э. Конечный вывод, сделанный на основе указанных материалов, таков: “...В одних и тех же районах могли сооружаться как дома с подпольями, так и исключительно на подклетах, что зависело от природных климатических условий, доступности материалов и состоятельности ... разных семей...” (с. 124). Таким образом, в книге ревизуются стереотипные представления о севере Руси как зоне исключительно наземных жилищ и юге — как зоне “полуземлянок”. Попытки их пересмотра в последние десятилетия предпринимались неоднократно. Но стереотипы изживаются медленно.

Глава 4 («Раскоп на месте установки “Княжеского камня”. 2011–2012 гг.») написана Н.В. Хвоцинской. В ней представлен материал одного из центральных участков Городища, расположенного к юго-западу от

храма Благовещения (с. 126). Эта часть поселения исключительно насыщена находками, относящимися к раннему историческому периоду. Однако состояние культурного слоя “ужасное”: “из-за интенсивной деятельности человека и повреждений военного времени практически не сохранилось нетронутых древностей”. Тем не менее состав находок “выделяет этот участок на общем плане Городища...” (с. 163).

Действительно, на этом небольшом участке была зафиксирована необычайная концентрация арабских монет и их обломков (всего 45), встречены находки моточков золота и золотных нитей, скандинавские амулеты (в том числе с рунообразными знаками), различные серебряные изделия — с угро-мадьярским растительным узором, с сюжетами, выполненными в стиле Борре, необычно большое количество каменных бус и т.д. По мнению авторов, “...можно с уверенностью говорить, что именно здесь ... находилась центральная, княжеская часть поселения в X в.” (с. 243).

В связи с вопросом о социальном статусе насельников данного участка необходимо кратко остановиться на проблеме критериев “элитарности” в древнерусской культуре. Это реально одно из больших мест современной восточноевропейской археологии (ср.: Григорьева, 2017. С. 33–36). С одной стороны, немало людей до сих пор жаждут расцветивать картинки княжеского быта васнецовскими красками и ищут в археологических источниках простую иллюстрацию письменной версии истории. С другой — наличие в Северной и Центральной Европе ярких и представительных “королевских” комплексов I тыс. н.э. побуждает и серьезных историков недовольно морщиться, столкнувшись с описанием того, что зовется “элитарным” в древнерусском контексте.

Так, например, знатока скандинавских древностей описание остатков княжеского двора на Рюриковом городище явно заставило поморщиться: “Любой богатый купец эпохи викингов, когда скандинавы вели активную торговлю с Византией и исламским Востоком, мог иметь дома немного византийской и арабской стеклянной посуды и праздничный костюм с золотым позументом. Для князя требуется нечто более весомое...” (Елиферова, 2018. С. 88).

Однако проблема вовсе не в том, что “мог” и чего “не мог” человек IX–X вв. И даже не в том, что сочинили о нем для нас его потомки, жившие на 150–300 лет позднее. Проблема в источниках. “...Материальные остатки рассказывают *иную историю, вставленную в совершенно другой контекст*. Наша задача — расшифровать эти два независимых повествования...” (курсив мой. — Н.П.) (Шнеевайс, 2017. С. 63).

С источником не спорят, его принимают к сведению. Относительную “бедность” памятников древнерусской

элиты по сравнению с северогерманской следует, во-первых, принять как данность, во-вторых, серьезно поразмышлять над ее интерпретацией. На мой взгляд, за ней стояла не только сравнительная аскетичность живой культуры, но и особенности археологизации материала, имевшие в основе устойчивый комплекс традиций местного населения севера Восточной Европы. Неприменимость к Северной Руси тех критериев элитарности, которые выработаны на материалах западноевропейского раннего средневековья, констатировалась неоднократно (Платонова, 2017. С. 12–14). Уже поэтому формирующуюся древнерусскую культуру нельзя воспринимать как прямой сколок со скандинавской. Да, она входила в зону “североевропейской вуали”. Но вуаль – на то и вуаль, чтобы скрывать лицо.

Глава 5 (“Исследования в южной части Рюрикова городища в 1993–1996 гг.”), написанная А.В. Плоховым, представляет собой публикацию исследований периферийной, низменной части поселения, освоенной под застройку в начале X в. До этого часть ее площади использовалась под пашню, что подтверждается зафиксированными в материке следами распашки однозубым орудием типа рала (с. 237; рис. 124; 138). На южном берегу канала раскопана постройка необычной конструкции: “Строителями этого дома, скорее всего, были не местные жители, поскольку первоначально при его возведении не были соблюдены меры, предохраняющие дом от повышенной влажности...” (с. 213). Особенности жилища, вкуче с находками на данном участке бус “северного” происхождения, “молоточка Тора” и скорлупообразной фибулы, по мнению автора, свидетельствуют о том, что здесь селились в X в. выходцы из Скандинавии. С конца X в. в заселении этой территории наблюдается перерыв. Активная жизнедеятельность возобновляется в XII в. (с. 213).

Книга снабжена двумя Приложениями. Первое принадлежит Т.С. Дорофеевой (“Комментарии к некоторым редким находкам из раскопок последних лет”). Оно содержит сравнительную историко-культурную характеристику серии единичных, преимущественно ювелирных изделий, найденных на Городище. Анализ технологических и стилистических особенностей этих вещей в ряде случаев позволяет доказать их местное изготовление. Так, например, «...бронзовые привески с сюжетом “Один и вороны” и зооморфным изображением в стиле Борре являются изделиями древнерусских ремесленников... Заказчики же, по всей вероятности, имели скандинавские корни...» (с. 255). Отметим также вывод Т.С. Дорофеевой о том, что все проанализированные находки, отражающие скандинавские, византийские, арабские, венгерские или великоморавские ремесленные

традиции, свидетельствуют о многосторонних культурных контактах Рюрикова городища и являются “...не столько этническим, сколько социальным индикатором, указывающим на ... высокий статус их владельцев” (с. 257).

Приложение 2 (“Фауна Рюрикова городища. По результатам раскопок 2000–2011 гг.”) подготовлено М.В. Саблиным. Фаунистические материалы взяты за достаточно большой период работ; их количество в локальной выборке достоверно отражает археозоологическую ситуацию на памятнике. Особо отмечу вывод, сделанный на основе анализа костей лошади из слоев IX–X вв. в центральной части поселения. Эти кости, “...в отличие от костей парнокопытных, не несут на себе признаков расчленения для кулинарного потребления. ...Костные остатки в целом свидетельствуют об отсутствии какого-либо утилитарного подхода к тушам животных ... их не разделявали и даже не освеживали. Такая расточительность в раннем средневековье выглядит необычно... Версия ритуального жертвоприношения выглядит наиболее вероятной...” (с. 262–264).

В литературе недавно было высказано недоумение по поводу такой интерпретации, так как, по данным скандинавских саг, языческие жертвоприношения копей не только не исключали, а, скорее, подразумевали разделку туш и “кулинарное потребление” мяса на пиру (Елиферова, 2018. С. 89, 90). Однако сомневаться в правильности стратиграфического и хронологического определения указанных остатков нет оснований, как, впрочем, и в профессионализме зоолога. Вновь повторю: с источником не спорят. Если, действительно, в контексте скандинавских древностей трактовка выглядит дискуссионной, это означает одно: Рюриково городище вновь задало своим исследователям серьезную головоломку.

Заключение, написанное Е.Н. Носовым, можно было бы озаглавить: “Новые открытия на Рюриковом городище и их значение для новгородских исследований”. Написано оно блестяще – из всего содержания книги, изобилующей новыми фактами, безошибочно выделено самое главное. Здесь же автор переходит (правда, очень бегло) от источниковедческого анализа к конкретно-историческому, к увязке археологического контекста Городища с контекстом письменных источников.

На мой взгляд, Е.Н. Носов напрасно солидаризируется с концепцией И.М. Троицкого (1932 г.) о вытеснении новых властных структур в Новгороде в последней трети XI в. (в пору малолетства Мстислава Владимировича) и о начавшемся (якобы!) уже тогда ущемлении княжеских прав. Безусловно, указанная концепция дала в свое время мощный толчок научной мысли. Но вряд ли она отвечает современному

состоянию источников, база которых уже заметно обновилась по сравнению со второй третью — серединой XX в.

Рискну высказать еретическое предположение: тезис о вечной борьбе новгородской элиты со своими собственными князьями представляет собой историографический миф. Если ближе к середине XII в. конфликт интересов действительно обозначился, то для времен Начальной Руси он не обоснован фактами. Настоящая проблема Новгорода в его взаимоотношениях с князьями, вплоть до начала XII в., заключалась в другом — в стремлении удержать князя в Новгороде пожизненно, “укоренить” его здесь, на севере, создав свою династию и обеспечив постоянный приоритет “локальных” интересов над “магистральными”.

Именно такой вариант в конечном счете осуществился в Полоцке, занимавшем, как и Новгород, ключевую позицию на одном из северных ответвлений пути на Балтику. В Новгороде он также был близок к осуществлению при Ярославе. Но кровавая усобица, расчистившая Ярославу путь в Киев, резко изменила ситуацию.

Другим историографическим мифом я назвала бы утверждение об исконном “противостоянии” Городища “поселкам славянской знати”. Раннегородские структуры Древней Руси, конечно, включали в себя разные элементы. Но за элементами и связями стояло внутреннее структурное единство. Различие цитадели, окольного города и посада, само по себе вовсе не является их “противостоянием”.

Невозможно представить, к примеру, что закладка новых поселков близ княжеской резиденции могла осуществляться без санкции князя². Применительно к периоду X в. стоило бы говорить, на мой взгляд, не о противостоянии отдельных частей Новгорода друг другу, а о бурном развитии города и стягивании в его орбиту нового населения. Локализация будущих городских концов в 3 км ниже Городища не должна удивлять: ближе было просто невозможно, учитывая гидрологическую ситуацию в истоке Волхова. Кстати, на этот фактор Е.Н. Носов совершенно справедливо указывал еще лет 30 назад. Современные палеогеографические изыскания в Приильменье такое предположение подтверждают (Еремеев, 2017).

По этой причине в конце X в. первоначальная крепость оказалась изолированной от других быстро рас-

туших частей города. Она явно не годилась теперь на роль резиденции епископа и места постройки главного городского храма. Но вряд ли можно сомневаться: ответственное решение о переводе резиденции в Новый город и о строительстве деревянной Софии в пределах нового поселенческого ядра принимал сам князь. Да и позднее не городская община, а именно князь являлся заказчиком и спонсором возведения дубового кремля на месте епископского двора, грандиозного Софийского собора и каменных церквей начала XII в. (Раппопорт, 1993. С. 251).

Отметим, что именно в рецензируемой монографии впервые исчерпывающе показано на материале и *доказано*, что в XI в. Городище запустело. Таким образом, перемещение городского центра сопровождалось и перемещением самого князя с его близким окружением на территорию новых концов. После “генеральной реконструкции”, осуществленной в 1090-х годах Мстиславом Великим, Городище вновь ожило. Но вот почему грандиозные работы, свидетельствующие о прочном положении и могуществе этого князя, должны трактоваться как свидетельство ущемления его княжеских прав, так и осталось мне непонятным. Разве восстановление родовой крепости в устье Волхова и строительство там каменного храма автоматически подразумевали утрату резиденции на Торговой стороне?

Разумеется, в рамках настоящей рецензии невозможно осветить все вопросы, возникающие по ходу чтения книги. Оговорюсь: я намеренно ушла от рассмотрения проблемы Городища как “крепости Рюрика”, ибо дискуссия на эту тему получилась бы слишком долгой. Ей стоит посвятить отдельную статью.

Подчеркну еще раз: вышедшая из печати публикация Рюрикова городища является крупным событием в современной раннесредневековой археологии России и Европы. Она доносит до читателя огромную массу информации прекрасно структурированной и проанализированной. А еще, что не менее важно, она стимулирует дискуссию по проблемам, стереотипные решения которых еще недавно не вызывали особых сомнений. Такая дискуссия фактически уже началась. Будем надеяться, она удержится в академических рамках и послужит залогом нового витка исследований Северной Руси.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Головнев А.В. Культуры больших пространств Северной Евразии // Проблемы истории, филологии, культуры. 2009. Т. V. 1. 25. С. 317–321.
- Головнев А.В. Антропология движения (древности Северной Евразии). Екатеринбург: НПМП “Волот”, 2009. 495 с.

² Аналогичную ситуацию мы наблюдаем в Литве на рубеже XIII–XIV вв. Отдельные “концы” стольного града Вильнюса также формировались сначала как изолированные “поселки”, на некотором удалении от Замковой горы. Но ни о какой произвольности в заселении окрестностей княжеской крепости речи не шло. Процесс изначально хорошо контролировался княжеской властью (ср.: Йонайтис, Каплунайтис, 2017).

- Григорьева О.В.* Проблемы изучения элитарной культуры в древнерусской археологии // *Élite ou Égalité: Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв.* / Отв. ред. Н. И. Платонова. СПб.: Изд. дом “Бранко”, 2017. С. 30–39.
- Елиферова М.В.* Рюриково городище: что же откопали на самом деле? // *Valla*. 2018. № 4 (3). С. 87–92.
- Еремеев И.И.* Новые археологические данные о динамике увлаженности Северо-Запада России во II тыс. до н.э. – I тыс. н.э. (по материалам поселений Ильмень-Волховского региона) // *Археология Владимиро-Суздальской земли. Матер. науч. семинара. Вып. 8* / Отв. ред. Н.А. Макаров. М.: ИА РАН, 2017. С. 39–58.
- Йонайтис Р., Каплунайте И.* Многокультурный Вильнюс: сосуществование двух христианских конфессий на раннем этапе развития города // *Élite ou Égalité: Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв.* / Отв. ред. Н. И. Платонова. СПб.: Изд. дом “Бранко”, 2017. С. 283–304.
- Михайлов К.А.* Элитарный погребальный обряд: камерные погребения IX – начала XI в. в контексте североевропейских аналогий. СПб.: Изд. дом “Бранко”, 2016. 272 с.
- Николаев С.Л.* Семь ответов на варяжский вопрос // *Повесть временных лет*. СПб.: Вита-Нова, 2012. С. 398–430.
- Носов Е.Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л.: Наука, 1990. 216 с.
- Носов Е.Н., Горюнова В.М., Плохов А.В.* Городище под Новгородом и поселения Северного Приильменья. Новые материалы и исследования. СПб.: ДМИТРИЙ БУЛАНИН, 2005. 403 с.
- Платонова Н.И.* Древнерусская культура и древнерусская элита на современном этапе исследований // *Élite ou Égalité: Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв.* / Отв. ред. Н.И. Платонова. СПб.: Изд. дом “Бранко”, 2017. С. 9–29.
- Раппопорт П.А.* Древнерусская архитектура. СПб.: Стройиздат, 1993. 289 с.
- Троцкий И.М.* Возникновение Новгородской республики Ч. 1, 2 // *Известия АН СССР. Отд. обществ. наук*. 1932. № 4. С. 271–291. № 5. С. 349–374.
- Шнеевайс Й.* К вопросу о влиянии исторических дат на археологическое исследование (три ключевые даты эпохи викингов: 793, 862 и 929 гг.) // *Élite ou Égalité: Северная Русь и культурные трансформации в Европе VII–XII вв.* / Отв. ред. Н.И. Платонова. СПб.: Изд. дом “Бранко”, 2017. С. 40–68.

Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

Платонова Н.И.